

Анатолий Алексеевич Мишуткин:

Меня воспитывал дедушка - настоящий донской казак, очень похожий на отца Григория Мелехова из фильма Сергея Бондарчука «Тихий Дон». Такой же сухощавый, и даже хромал на ту же ногу. Не с моего ли деда списал этот образ Михаил Шолохов? Бабушка бережно хранила в большом сундуке два георгиевских креста, полученные дедом в годы Первой Мировой, и фуражку с казеиновым козырьком. Дед - бондарь по призванию - работал по дереву, лыжи мне мастерил, санки. Когда я прибежал к нему жаловаться на что-нибудь, он неизменно говорил: «Эх ты, казак! Чего ты нюни распустил? А сдачи дал?» В другой раз, наоборот, начну бахвалиться, а он меня останавливает. Однажды сидел он, бондарничал в сарайчике, а я возле него крутился, и зашла речь о том, как надо жить на белом свете. Он мне сказал: «Вот встань на цыпочки и стой». Я встал. «Теперь нагнись». Я послушно выполнил команду. «Ну, все, можешь выпрямиться, как обычно». Я с облегчением поднялся – долго находиться в обоих положениях было неудобно. А дед заметил: «Вот так и в жизни, внучек, не гнись и не возносись, знай себе цену и будь сам собой». Когда в дальнейшем мне нужно было принять какое-то важное решение, я вспоминал этот разговор и думал: «А как бы дед поступил на моем месте?»

И бабушка, и дедушка, и мама работали в колхозе, который специализировался на выращивании зерна. Урожай 1940 года был хороший, а 1941 года – великолепный, и на начало войны мы заготовили много пшеницы. Помню, как нам привезли эти мешки. Бабушка так называемое рядно расстелила, и нам туда высыпали все, что причиталось. Дед положил все эти запасы в большую печь, печурку и подпечье на хранение – там было сухо – и прикрыл кирпичиком: совсем не видно, что там что-то лежит. Начиная с конца 1941, а особенно в 1942 году начали спускать на область разнарядки на дополнительные поставки хлеба для нужд армии. Создавалась комиссия из двух-трех человек, она приходила в каждый дом, проверяла все, что есть, что-то забирала. Многие жители старались спрятать свою пшеницу: кругом степь, магазинов нет, и если у тебя никаких запасов не осталось, то хоть помирай с голоду. А дед перед приходом комиссии раздолбил свою закладку и отдал примерно две трети мешка. Бабушка кричала на него: «Что мы есть будем?» А он спокойно ответил: «А Леньку и Ивана германцы кормить будут?» Ленька – мой отец, а Иван – старший сын деда, брат моей матери, оба воевали... Поступок деда мне очень запомнился. Жаль, что дед отца не дождался, а так хотел встретить своего Лёньку с войны...